

русской исторіи. Сходенъ нѣсколько и анализъ чувствъ дѣйствующихъ лицъ въ обѣихъ пьесахъ. Но авторъ „Разговора“ писалъ уже его не на школьной скамьѣ и присматривался къ дѣламъ внутренней политики Россіи не изъ-за школьныхъ стѣнъ, а болѣе близко и непосредственно. Очень можетъ быть, что онъ и самъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ воинскихъ дѣлахъ, о которыхъ въ первый разъ сообщаются свѣдѣнія въ его „Разговорѣ“.

Передаемъ самый текстъ „Разговора“, насколько онъ сохранился, съ подстрочными примѣчаніями къ нему, допустивъ въ орфографію его, въ мѣстахъ потребныхъ, и вм. господствовавшего и.

Н. Петровъ.

Разговоръ Великороссіи съ Малороссіею.

Великорос- Кто ты такова родомъ, откуда взялася?
сія.

Скажи, скажи начало, съ чего произвелася?

Малороссія. Отъ древнихъ казаровъ родъ веду и начало ¹⁾,

Названій сперва было у меня немало;

Ибо, по полунощныхъ разсѣяна странахъ,

Въ готевихъ, жмудскихъ и другихъ слыла я именахъ.

В.-Р. И нынѣ какъ зовешся—обяви точно мнѣ,

Подъ нимъ прежде жила, иль кто подлежалъ къ тебѣ?

М.-Р. Отъ разсѣяній Малой Россіею слыву ²⁾,

Издавна своими было вождями живу

И непріятелямъ многимъ сопротивлялась,

Сильно, храбро и бодро съ ними сражалась,

Потомъ къ полскимъ королямъ стала ужъ надлежать,

А оттуда отдалась другихъ царей искать.

¹⁾ О казарскомъ происхожденіи козачества довольно любопытную статью г. Изопольскаго помѣстилъ Виленскій сборникъ Atheneum, издав. г. Крашевскимъ. См. »Исторію Новой Сѣчи«, А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 г., ч. 1, стр. 23.

²⁾ О производствѣ названія Россіи отъ »россѣяннѣ« см. »Синопися« Иннокентія Гизеля, Кіевъ, 1678 г., лист. 7.

- В.-Р. Кому послѣ в защиту себя привернула
И кому повѣгъ ужо служить присягнула?
- М.-Р. Россійскаго Государя предъ всѣми почла,
Ему доброволно себя вѣчно предала
- В.-Р. Зачимъ было тебѣ отъ Полши отдиляя,
Зачимъ другому государю предаваця?
Видно, что не можешъ при одномъ долго служить,
Рвешся толбо туда и сюда переходить;
Одна самоволность тебя к тому доводить,
Которая ненависть к тебѣ другихъ родить.
- М.-Р. Сего вправду сказать ты не можеть про меня.
Будто по самоволности перехожу я:
Но видя толь славнаго Россійскаго царя,
Поддалась ему вѣчно, на турковъ несмотря,
Кои много разъ ко мнѣ дары присылали
И поддачи моей имъ всемѣрно желали.
Я-жъ христіанскаго государя предпочла.
Ему в защищеніе повѣгъ себя дала:
Ибо тамъ силы мои много истощались,
Когда поляки злобно надо-мною здѣвались,
Почему здѣсь я уже на вѣгъ утверждена,
Силною рукою отъ враговъ будучи спасенна.
- В.-Р. Такъ ты толко видно тѣмъ вздумала поддаця,
Что не могла своею тамъ силою защищаться,
А не по усердію и вѣрности прямой,
И сидя спокойно ползуешся толко мной?
- М.-Р. Усердіе мое и вѣрность видишь явну,
Доброволну поддачу почетъ за вещь главну,
Чего ежелибы во мнѣ вправду не было,
Войско бы мое себя ему не поддало,
Но искало-бъ въ защиту свою власти другой.
Вспомни, что представила я выше предъ тобой!
И сего не можешъ промолвить ты устами,
Будто одними живу твоими трудами;

Ибо в мирно толко время спокойно сижу,
А в воинское и своихъ всѣхъ силъ не щажу.

В.-Р.

Да гдѣ и какіе твои силы и сколько?

М.-Р.

Войска моего считается нынѣ столко,
Что можно сто иль болше еще тысячь набрать.

Ежели просто толко числомъ полби считать,
Но имѣю десять весьма доволныхъ полковъ),

Кои изъ самихъ лучшихъ состоятъ козаковъ.

А о мѣстѣ и качествѣ спрашивать странно,—

Оно въ своихъ предѣлахъ стройно и пространно.

В.-Р.

Есть ли экзерциція воинская у нихъ,

И были-ль гдѣ в походахъ и именно в какихъ,

Кто надъ ними былъ и есть комендиръ главной,—

Представъ, буди знаешь ты, свой видъ какой явной.

М.-Р.

Хотя экзерциціи далной у мене нѣтъ,

Однакъ к воинскимъ дѣламъ привыкла з давнихъ лѣтъ
И неутомимой храбростію своей

Притупила неприятскихъ много мечей.

Про проворство-жь мое воинское в походѣ

Скажу тебѣ, что было в трицять пятомъ годѣ.

Анны імператрици послѣдовалъ указъ

Выбрать изъ козаковъ сто для пробы одинъ разъ

И отослать онихъ до прусского короля,

Чтобъ обучить военной регули немедля,

Дабы из того лучше было можно усмотрѣть,

Какихъ козацкая храбрость есть въ себѣ примѣть,

Кои за одинъ годъ такъ остро обучены,

Что когда в Санктъ-Питербурхъ были приведены

И предъ самимъ Государыни оной лицемъ

Регулу воинскую оказали, во всемъ;

1) Въ 1776 году были слѣдующіе 10 полковъ: стародубскій, Черниговскій, кievскій, вѣжинскій, прилуцкій, переяславскій, лубенскій, гадячскій, миргородскій и полтавскій. См. »Изясненіе настоящаго образа правленія Малыя Россіи«, при »Краткой лѣтописи Малыя Россіи«, Рубана, 1777 года.

То Государыня при многихъ тамъ господахъ
 Дивуясь, изволила отерится в сихъ словахъ:
 Довольна-бъ я была,
 Когда-бъ гвардія моя такъ явится могла.
 И такъ онимъ козакамъ награжденіе давъ,
 Къ Глухову означенны (х) при указъ пославъ ¹⁾.
 Бросили козаковъ учить регули съ поръ тѣхъ,
 Разуждая, что природна храбрость у нихъ всѣхъ.
 За той же Государыни на четвертой годъ (1739)
 Минихъ, ненавидя малороссійской народъ,
 Когда на вопросъ отъ Ея Величества данъ
 Злобно похулить вздумалъ всѣхъ малороссіянъ,
 То притомъ другой фельдмаршалъ Лессій обличилъ
 Оную Миниха неправость и объявилъ,
 Что малороссійской народъ во всемъ усердній,
 Россійскому государству неестно верній
 И въ сопротивленіяхъ воинскихъ такъ открытъ,
 Что никто себя тамъ по вѣрности нещадитъ ²⁾.
 В.-Р. С нетерпеливостію жду отъ тебя отвѣта,—
 Бывала-ль въ походахъ и которого дѣта!
 Скажи мнѣ и про своихъ начальниковъ главнихъ!
 А стройность твою уже вижу въ видахъ явнихъ.

¹⁾ Въ полномъ собраніи законовъ російской имперіи мы не нашли такого указа.

²⁾ О неблагопріятныхъ отзывахъ Миниха насчетъ козаковъ см. »Исторію Россіи«, Соловьева, т. XX, стр. 98, 117 и др. По словамъ-же Географическаго Словаря (ч. II, стр. 18), »нѣсколько тысячъ человекъ (запорожскихъ козаковъ) ходили въ 1736 году съ фельдмаршаломъ графомъ Лассіемъ въ Крымъ и чинило арміи вспоможеніе при завоеваніи Перекопа, Козлова и ханской столицы Бахчисарая. За что фельдмаршалъ храбрые ихъ поступки при дворѣ такъ вихвалялъ, что имъ присланы были отъ Ея Величества, вмѣстѣ съ милостивою грамотою, одинъ большой и четыре малыхъ штандарта, съ государственнымъ гербомъ, бунчукъ, обшитый золотою парчею, серебрянная позолоченная булава для кошевого и другіе позолоченные серебряные и каменьями осыпанные знаки, также знатная сумма денегъ въ подарокъ«. См. Исторію Новой Сѣчи А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 г., т. II, стр. 101.

- М.-Р. Тысяча пятьсотъ шестого года
 Первой гетманъ мой былъ сенаторскаго рода
 Деславъ Ляцкоронскій. Сей когда мною управлялъ
 Многократно съ козаками турковъ побивдалъ.
 Двацять восьмь лѣтъ спустя Венжигъ Хмелницкій былъ:
 Сей гетманъ подъ Заглавемъ орду мною поразилъ,
 Которая какъ многочисленна ни была,
 Храбрости однакъ моей одолѣть не могла.
 Послѣ сорока лѣтъ потомъ гетманъ Свѣрговскій,
 С которымъ вмѣстѣ былъ и господарь волоскій,
 Одержалъ надъ турками четырнадцать побѣдъ,
 Побивъ и плѣнныхъ много погнавъ за собою вслѣдъ.
 Году тысяча пятьсотъ семьдесятъ шестого
 Гетманъ Богданко татаръ крымскихъ плѣнилъ много,
 А остальныхъ тамже наголову побилъ всѣхъ,
 Повоевавъ разорилъ в татарскихъ странахъ тѣхъ ¹⁾.
 В.-Р. Знаю ужъ, что начальники твои гетманы.
 Скажи еще признаки (про знаки) и кимъ прежь имъ даны,
 О побѣдахъ также, естли болше имѣла,
 Скажи, надъ кимъ и съ какимъ при комъ гдѣ успѣла!
 М.-Р. Я въкратцѣ выше сего объявила тебѣ,
 Много распространять не хотѣла о себѣ
 И тѣмъ побѣдъ своихъ пропустила не мало;
 Но когда хочешь слушать, скажу и начало.

¹⁾ О первыхъ гетманахъ здѣсь сказано на основаніи >Краткаго описанія Малороссіи < 1734 г. Мы приводимъ изъ него соотвѣтствующія мѣста по кievскому изданію 1878 года. >И въ року 1506 первый былъ гетманъ войскъ запорожскихъ изъ фамилии сенаторской именуемый Прецлавъ Ляцкоронскій. Сей многократно землю турецкую съ козаками щастливо воевалъ... 1534. Послѣ того былъ гетманомъ запорожскимъ козакъ Венжигъ Хмелницкій и побилъ великую орду подъ Заславямъ на Волинѣ. 1574. Опослѣ же, при королѣ полскомъ Генрикѣ французѣ, былъ гетманъ запорожскій Свѣрговскій, который з Иванею, господаремъ волоскимъ, по 14 щастливихъ имъ войнахъ на турковъ, на остатокъ от турковъ в Волохахъ убитъ zostалъ со всѣмъ войскомъ. 1574. Послѣ былъ гетманъ Богданко. Сей повоевалъ Крымъ. (стр. 212 и сл.).

Козаки издавна воинскими дѣлами

Бывали весьма храбри своими полками.

На вѣрпкой тотъ городъ Цариградъ наступали,

Турковъ и татаръ безчисленно поражали,

Самоволно ходили в помочь царствамъ инимъ,

Безъ платежа служили королевствамъ другимъ,

По воинской охотѣ себе не щадили,

Рѣки переплавали, моря переходили.

Одна та к принятію великихъ нуждъ гнала,

Одна та войной прославляется понуждала,

Не могла терпѣть и лѣта моя живна кровь,

Чтобъ не послать куда на брань своихъ козаковъ.

Да и сами они нарѣкали на меня,

Если когда сврою войну, в дому ихъ держа.

С великимъ стремленіемъ бѣжали сражаться,

В несказаннія труды горѣли вдаваться,

За отечество, вѣру и вѣрность все бились.

В многихъ опасностяхъ безстрашни находились.

„Доставь, доставь, небо, предковъ нашихъ цѣлость намъ!

Доставь,—бричали,—чтобъ мы не служили врагамъ“!

Россія Малая в цѣлости своей зовусь,

За сыновъ своихъ з непріятелями в кровь бьюсь.

Сыновя мои вѣрни пребудутъ в вѣкъ при мнѣ,

Додержать до конца добру храбрость при себѣ

Самопалы, обухи, луки, колчаны стрѣлъ

И списы—оружіе ихъ было из давнихъ временъ.

Тѣмъ однѣмъ предѣлы свои прежь защищали,

С тѣмъ однѣмъ и вдаль к непріятелю ступали.

А о множествѣ толь храбрыхъ козаковъ моихъ

Напомню тебѣ то, что нѣкто сказалъ про нихъ.

Когда салтанъ турецкій объ нихъ спрашивать сталъ,

Именемъ всего общества одинъ отвѣчалъ:

„У насъ что лоза или байрагъ, то и козагъ“.

Ибо в малыхъ куреняхъ жили по сту, двѣстѣ

И поболше козаковъ согласно все вмѣстѣ,

Коиъхъ упражненіе состояло въ войнѣ.

Гнали непріятелей звнутрь себя и внѣ

И такимъ образомъ славились побѣждая,

Богатились, воински добычи взимая.

В тысяча пятьсотъ пятомъ году татаръ збили,

Огнемъ и мечемъ всю землю ихъ поразили.

До тѣхъ поръ козаки с выборными своими

Продолжали брань кровну з землями чужими.

Потомъ Стефанъ Баторій король полскій славній

Привель козаковъ еще в лучшей строй и главный;

Ибо чрезъ годъ гетмана над ними поставиль,

Волности вновь надалъ и прежніе доставиль,

И прислалъ ему арматы, бунчукъ з булавою

И всякіе воинскіе припасы з корогвою,

Учредивъ тожъ по гетманѣ обозныхъ судей,

Асауловъ, здѣлавъ порядокъ в ихъ странѣ всей,

Опредѣливъ также и полковниковъ в полкахъ,

Привилегіями ствердилъ въ вѣчныхъ временахъ.

При семь королѣ первій гетманъ опредѣленъ,

Кой в исчисленіи краткомъ выше объявленъ.

На тысячу миль Азію повоевали,

Тогда и Трапезонъ в турковъ козаки взяли

И подъ Константинополемъ с своими браты

Побрали тожъ добычи многія богаты.

А при гетманѣ Шаху (1577 года) молдавцовъ побили,

Такъ что все ихъ войско в крайней бѣдѣ стѣснили.

Гетманъ Петръ Канашевичъ Кефу городъ досталъ

И многихъ плѣнныхъ своихъ отъ турковъ назадъ взялъ.

Онъ же и подъ Хотѣню такъ ихъ преодолѣлъ,

Что из всего войска едва полкъ остался цѣль ¹⁾.

¹⁾ О гетманахъ со времени Стефана Баторія, упоминаемыхъ въ ›Разговорѣ‹, въ ›Краткомъ описаніи Малороссіи‹ говорится слѣдующее: ›При Стефанѣ-же Баторіи королѣ полскомъ, в томъ же 1576 году, козаки въ лучшей порядокъ устроени, который, ради ихъ мужества, поставиль самъ имъ гетмана, давъ имъ коруговъ, бунчукъ и булаву и печать съ гербомъ, то есть рицерь с самопаломъ,

Видишь, какъ силна я войскомъ своимъ была
 Прежде, и какъ подъ полскою короною жила!
 Сего объявленія храбрости отъ меня

Довольно уже, думаю, будетъ для тебя.

В.-Р. Ахъ, какъ ты скучна! уже-ль тебѣ говорить лѣнь?

Для сихъ забавъ пожалуй, проводи со мною день!

М.-Р. Достанется и ночи, какъ загремлю войною.

Храбрость моя пространна,—бодрствуй толко со мною!
 Я тебе къ той точкѣ привела свою рѣчью.

Какъ жила подъ Полщею з Запорожской Сѣчю
 И на войнахъ была з своими козаками,
 Побѣждая и обладая городами.

А нынѣ объявлю ужъ со славой то время,

Какъ сложивъ зъ себя ляховъ несносное бремя,
 Воевала с ними и з другими народы,

Проходя многотрудно горы, поля, воды;
 Покажу и причину, зачѣмъ отдалилась;

Представляю, что не без обиды съ нею билась.

Начали ляхи в западной церквѣ приводить,

Несосни дани налагать, за недачу-жъ бить;

Козацкихъ дѣтей в котлахъ тирянско варили,

Женамъ сосцы отрѣзвали и мертвили ¹⁾.

на голубовѣ колпакъ перекирвленый, и рогъ при боку... Да тотъ же король Баторій и старшину войсковую у нихъ учредилъ: обозныхъ, судей, писарей, асауловъ, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ... В то время козаки, напавши в Азию, на 1000 миль новозавали, Трапезонтъ взяли и изсѣкли, Синопъ до фундаменту опровергли и под Константинополью почтиполежь користи побрали (стр. 214)... Да въ томъ же 1577 году былъ гетманъ запорожскій... Шахъ, при которомъ козаки... многіе бѣды волохамъ нападками дѣлали... Петръ Конашевичъ Сагайдачный гетманомъ отозвался, который съ козаками Кафу, турецкій городъ надъ моремъ (нынѣ Феодосія), завоевалъ и, многихъ христіанъ оттуду свободивши, съ богатыми користми вернулся... Року 1621 Сагайдачный пакъ учиненъ гетманомъ, который..., собравши 6000 реестровыхъ козаковъ, ходилъ съ ляхами подъ Хотынъ на турка, котораго тамъ и побѣдили « (стр. 215—216).

¹⁾ Соответствующее мѣсто въ «Краткомъ описаніи Малороссіи» читается такъ: поляки «великую свободу козакамъ отняли и также и вымыслные подати

И что толко ко озлобленію вздумать могли,
 Производили въ дѣло: грабили дома, жгли.
 Для того за такое нарушеніе церквей
 И страшное мученіе козацкихъ дѣтей,
 Выбравъ гетманомъ Тараса надъ собой всѣми,
 Сыграли войну подъ Переясловомъ с тѣми,
 Гдѣ поляковъ побито премное число;
 Не мало тожъ и в полонъ въ мою страну пришло ¹⁾.
 До тогожъ за трицять одинъ годъ в полскихъ странахъ
 Гетманъ Наливайко Слуцкъ и Могилевъ сжегъ въ прахъ
 И безмѣрное побилъ тамъ множество ляховъ,
 Приводившихъ къ западу восточныхъ козаковъ ²⁾,
 Кои с тѣхъ поръ начало в войнѣ возимѣли,
 На ляховъ с полками своими зашумѣли.
 Почему тѣ со мною то лестно примирились,
 То опять, нарушая миръ, дратся вновь рвались.
 И какъ ни начинали жестокою войну, —
 Поражали козаки силу ихъ не одну.
 По переясловской войнѣ десять лѣтъ спустя,
 Ляхи козаковъ войною погубить всѣхъ хотя,
 Не толко успѣху в мысляхъ не получили,
 Но и сами еще себя тамъ погубили;
 Ибо в престокомъ вимерзли всѣ морозѣ
 И с лошадей падая погибли в обозѣ ³⁾.

наложили необычно, церкви и образы церковные жидамъ распродали, дѣтей козацкихъ въ котлахъ варили, жонкамъ перси деревомъ витискали и протчая « (стр. 218).

¹⁾ » 1628. Ради великихъ тягостей и озлобленій не токмо козакамъ, но и церквамъ русскимъ, отъ поляковъ творимыхъ, повставши козаки на ихъ, обрали гетмана Тараса и, учинивши съ ляхами баталию подъ Переясловомъ, множество ихъ побили и примирились «. Тамъ-же, стр. 217.

²⁾ » За тую ж унѣю (1594) взявшись потомъ противъ ляховъ, гетманъ запорожскій Наливайко съ козаками Слуцкъ и Могилевъ спалилъ и ляховъ многихъ спалилъ «. Тамъ же, стр. 215.

³⁾ » Въ томъ року 1638 собрался — били козаки с Полторакожухомъ гетманомъ на Мерлѣ, но тамъ разбѣглися, послыхавши о приходѣ князя Вишневец-

А при свободители всей Малой Россіи
 Кагъ славно пораженны были ляхи сіи:
 Храбрій тотъ Хмелницкій козаковъ предводитель
 Много разъ оставался надъ ними побѣдитель.
 Онъ отдалилъ отъ Полши всю козаковъ силу,
 Окружилъ ляховъ войскомъ спреды и стылу.
 Тамъ отъ ревучого треску стогнала земля,
 Пала на мѣстѣ не одна тысяча етенья.
 Звукъ огненныхъ оружій давалъ эхо лѣсамъ,
 Стался густой дымъ в поляхъ по полскимъ головамъ;
 Рвы, долины ровнялись съ холмами, горами,
 Наполнены были кровавыми рѣками.
 А кои имѣли щастіе в живихъ остаться,
 Начали все отъ страху въ бѣгство обращатся.
 Почему тогда Потоцкій гетманъ коронный,
 Ободря всякой полкъ свой пѣшій и конный,
 Принуждалъ къ сопротивленію козакамъ тѣмъ:
 Стыдно, говорилъ, не защищать себя намъ всеѣмъ.
 И хотя ляхи оправиться опять рвались,
 Однакъ кагъ снопи при сильныхъ мечахъ валялись.
 Причемъ преужасному дождю быть случилось,
 Итакъ все ружье ихъ огненно помочилось.
 Симъ образомъ поляки главно пораженни,
 Тагъ что все ужъ къ послѣдней бѣдѣ приведени.
 Сынъ Потоцкого, два рази раненъ стрѣльбою,
 Палъ с лошадей и умеръ на ономъ же бою.
 Обозъ ихъ разграбленъ, протчіе побраны в плѣнъ.
 Одна толко мертвихъ осталась на поляхъ тѣнъ,
 Да Грешинскій, который по щастію убѣжалъ,
 Но и тотъ отъ козаковъ много ранъ тамъ досталъ ¹⁾.

кого. Однакожь тогда и безъ войны поляковъ многое число погибло от жестокихъ морозовъ». Тамъ-же, стр. 218.

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о битвѣ надъ Желтыми Водами, 1648 г. > По веснѣ гетманъ коронный и каштелянъ Павелъ Потоцкій командировалъ сына своего Стефана въ 6,000 ляховъ полемъ, а Барабаша, учинивши за присягою гетманомъ

Потомъ того-жъ шестьсотъ сорокъ осмого году
 Ляхи, ваявъ еще своего много народу,
 Собрались подъ Бурсуномъ съ арміею другою,
 Гдѣ услышавъ о славной козацкой силѣ той,
 Стали было отъ страху проломомъ уходить,
 Чтобъ и другой арміи также не погубить.
 Но козаки приспѣвъ ляховъ с лошадей збили
 А пѣхоту полску такъ крѣпко воспятили,
 Что поляки и вехотя зсѣдши съ лошадей
 Войну имѣли с козаками нѣсколко дней,
 Гдѣ побити на голову многіе изъ нихъ,
 И обозъ также весь тамъ бѣдно разграбленъ ихъ.
 Здѣсь козаки, при помочѣ кримскаго хана,
 Плѣнили Потоцкого полскаго гетмана
 И другого Калѣновскаго въ полонъ взяли,
 Причемъ и полководцовъ много тежъ побрали ¹⁾.

запорожскимъ, въ 6,000 реестровыхъ козаковъ водою днѣпровую при жолнѣрахъ
 нѣмецкихъ, зовемыхъ гусария, на Запорожьѣ выправилъ ловить тамъ и разгромить
 Хмельницкаго... Но Хмельницкій вышолъ з луговъ въ поле на Жолтые Воды, первѣ
 послалъ Ганджу до реестровыхъ козаковъ къ Днѣпру пережовлять ихъ на свою
 сторону и пережовилъ, где заразъ Барабаша Хвильовъ Дженджелѣй скололъ сон-
 ного, а потомъ и всю старшину ихъ и лядскихъ полковниковъ то побили, то по-
 топили, и из драгунѣю нѣмецкою, ляхамъ измѣнившюю, до Хмельницкаго пришли.
 И такъ, когда генераль сынъ Потоцкого наспѣлъ съ войскомъ своимъ до Жол-
 тихъ Водъ, тотъ часъ баталѣя сдѣлалась и прогнаны ляхи къ Княжимъ Байра-
 камъ, где Потоцкій убитъ zostалъ, а с нимъ и комѣсаръ казацкій, и войско его
 иное въ полонъ взято..., а иныхъ посѣчено съ помощію татаръ«. См. »Краткое
 описаніе Малороссіи«, стр. 220. Но здѣсь ничего не говорится о Грешинскомъ,
 упоминаемомъ въ »Разговорѣ«.

¹⁾ »Того жъ року (1648), якъ собралися гетмани полскіе, самъ Потоцкій
 коронній и Калѣновскій полный, съ войскомъ полскимъ отъ Стеблева, за милю
 будучи къ Бурсуну, и начали битися съ козаками и татарами«. Обманутые лож-
 нымъ извѣстіемъ о приближеніи большихъ силъ татарскихъ и козацкихъ, они по-
 шли было на проломъ и заведены провожатымъ козакомъ въ долины, яруги и
 болото. »Когда ляхи одни на гору ступали, а другіе въ болото входили, тогда
 Хмельницкій ударилъ на нихъ и обозъ разгромилъ весь, и ихъ посѣкши, козаки
 користи забрали, гетмановъ-же обѣихъ съ прочими панами полскими взяли татаре
 въ полонъ«. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 220—1.

Заставляла поляковъ кровна побѣда та
 Просить у козаковъ оставшимся живота.
 В томже годѣ тотъ-же гетманъ Зѣновій Богданъ
 Подъ Пилявцами городомъ имѣлъ с ними брань,
 Гдѣ онъ с четырма тысячами козацкихъ силъ
 Да татаръ столко жъ ужасно ляховъ поразилъ.
 Шестьдесятъ тысячъ рядовихъ поляковъ пало,
 А и знатнаго шляхетства также не мало ¹⁾.
 Страхъ и трепетъ Хмельницкій полскаго народа,
 Побѣдилъ ихъ и подъ Збаражемъ того-жъ года,
 Онъ же и подъ Зборовомъ далъ себя славно знать,
 Вѣчно будутъ ляхи тотъ проиграшъ вспоминать.
 Во время ужаснаго бою на мѣстѣ томъ,
 В пророчество бѣды полякамъ, ударилъ громъ.
 И когда трѣскучіе облака наступили,
 То и знамена и корогви ихъ разбили.
 Не было пищи имъ, ни корму ихъ лошадямъ,
 Для того всѣхъ оныхъ отогнали къ козакамъ,
 А сами по неволѣ той пѣши остались,
 Не бились уже, но жизни отчаевались.
 Ибо окопалъ ихъ Хмельницкій округъ валомъ
 И стѣснилъ войско оныхъ в одномъ мѣстѣ маломъ,
 Такъ что послѣдній конецъ приходилъ имъ уже.
 Поѣли бывшіе съиствие припаси всѣ,
 Почему здѣлался великой голодъ у нихъ:
 Начали ляхи искать у полѣ костей гнилихъ;
 З жадностію ѣли мясо смраднихъ лошадей;
 Ловили для пищи кошекъ, собакъ и мишей.

¹⁾ » Да того жъ 1648 року, сентеврия послѣднихъ чисель, под Пѣлявкою городкомъ страшная война была съ превеликою ляховъ бѣдою, где шестьдесятъ тысячъ ляховъ пановъ, а слугъ и пахолковъ ихъ стройно шесть тысячъ, ружейныхъ втрое противъ того числа, Хмельницкій съ козаками и съ 4000 татаръ при Карачѣ бею Мурзѣ, побѣдивши, однихъ порубилъ, другихъ прогналъ с. Тамъ-же, стр. 222.

За одну песю лапу другъ зъ другомъ въ кровь бились.
 Страшно и жалко смотрѣть было, какъ живились:
 За маленькую криху (по другому списку — *крису*) на
 поединокъ шли,

Одну оную на тысящия части влекли;
 Инии-жь жарку землю кусали зубами,
 С конскимъ навозомъ рвали оную устами ¹⁾.
 Смотри, до чего храбрость козацка привела!
 Разсуждай, какъ Полца отъ ней стѣснена была!
 Но сего недоволю,—скажу еще много,

Что было ей того-жь году сорокъ осмого.
 Козаки подъ Берестечкомъ с помощью татаръ
 Вступили с ляхами в сильной сраженія жарь,
 Гдѣ славны ротмистри с полковникомъ Стаднѣцкимъ
 И прочие знатнѣйшіе побити Хмелницкимъ.
 Знатнѣйшихъ число до пятисотъ простиралось,
 А рядовихъ всѣхъ нѣсколко тысячъ считалось.
 Одинъ же тотъ годъ и подъ Бѣлу-Церковь водилъ,
 Одинъ тотъ-же ляховъ и тамъ сильно поразилъ.
 Хмелницкого предводительство и тамъ было,
 Хмелницкого щастіе и тамъ войнѣ помогло.
 Онъ безстрашно и горячо вступилъ въ брань с ними,
 Разбилъ тожь все ихъ войско полками своими.

¹⁾ » Ханъ крымскій съ ордою самъ до Хмелницкаго пришолъ въ 1649 року, съ которымъ когда войско козацкое совокупилось под Збаражемъ, то и поляки, виведши полки, обози свои валомъ обнесли. Однако въ окопѣ многіе отъ стрѣльбы козацкой пропали, чего ради тѣснѣйше другіе вали здѣлали себѣ и потомъ еще узше, далѣе же конѣ свои за окопъ къ козакамъ вигнали, а на остатокъ для стѣсненія ихъ самъ Хмелницкій велѣлъ окопать вкругъ валомъ, где поляки, по истощаніи живности, съ голоду конские мяса и собачье и кошечье и миши ѣли, землю спеклую кусали зубами; тамъ козаки ляховъ облеженцовъ, близко къ нимъ приходячи, исповѣдимо ругали и укоряли по-своему. Поляки дали тайно знать о своемъ положеніи королю, который съ 20,000 отборнаго войска уже приближался къ Збаражу. » Но Хмелницкій, туда съ комоляникомъ и с татарами пошедши противъ короля и нечаянно вдаривши на обозъ под Зборовонъ, первѣе пѣхоту, раздѣлившуюся въ маршѣ, а потомъ конницу людскую посѣлъ. Тамъ-же, стр. 224—225.

Мертвыми тѣлами поля были покрыти,
 Тысячи самихъ знатнѣйшихъ ляховъ побити,
 Чего и Воловичъ главнѣй ихъ не избѣжалъ,
 Силною рукою весь изсѣченъ мертвъ на землю палъ.
 Стенаніе раненыхъ отдавала земля,
 Шумѣла горячей побитихъ кровю кипя.
 Тамъ солнечніе лучи тупо проходили,
 Густыя тѣни тѣлъ мертвыхъ холми покрыли;
 Поля багряннымъ были залиты всѣ блескомъ,
 Рвались лѣса козацкимъ огненнымъ трескомъ;
 Усугублялъ облаки тамъ густой дымъ с огнемъ;
 Грозилъ еще козакъ ляхамъ кровавымъ мечемъ,
 Рвался, ярился или самому в конецъ пасть,
 Иль до остатку избить всю области ихъ часть;
 Свивалась пѣна бѣлымъ клубкомъ въ устахъ его,
 Казала еще громъ на ляха врага того,
 Искалъ онъ по вертепамъ, пропастямъ земнымъ, рвамъ,
 Хотѣлъ и память истребить в вѣчнымъ временамъ¹⁾.
 Такимъ убѣжденни будучи ляхи страхомъ,
 Даби не пошла вся земля ихъ въ конецъ прахомъ,
 Слезно козаковъ начали о мирѣ просить,
 Обѣщая имъ всѣ волности возстановить,
 Почему Хмелницкій со всѣмъ козацкимъ зборомъ
 И заключилъ с ними миръ с онимъ договоромъ.
 Но и слѣдующему лѣту понеже опять
 Лестніе ляхи стали козаковъ утѣснять
 И препятствовали сыну его во всю мочь
 Взять за себя волоского (вар. молдавского) госпо-
 даря дочь;

¹⁾ Здѣсь говорится о битвахъ козаковъ съ поляками подъ Берестечкомъ и Вѣлю-Церковію, происходившихъ не въ 1648 году, какъ значится въ «Разговорѣ», а въ 1651 году. Битвы эти были несчастны для козаковъ; но «Разговоръ» умалчиваетъ объ этомъ и даже, вопреки всѣмъ источникамъ, представляетъ козаковъ побѣдителями. Ничего подобнаго нѣтъ въ «Краткомъ описаніи Малороссіи», которымъ авторъ «Разговора» преимущественно пользовался въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія.

Для того Хмельницкій, с татарами согласясь,
 Мечемъ порубилъ ляховъ, с Калѣновскимъ сразясь,
 Которій полской овой короны тотъ гетманъ
 На семь страшномъ сраженіи также смерти преданъ,
 И Собецкій староста Красноставскій скончался
 Побивденъ и убитъ, какъ силно ни опирался.
 Калѣновскому татаринъ голову срубилъ,
 На копы принесъ и Хмельницкому сообщилъ.
 А Самуилъ синъ Калѣновского гетмана,
 Побѣжавъ отъ козаковъ и крымского хана,
 Утонулъ в Бубновки, на мосту обвалился, —
 Такъ погубивъ жизнь, с ними и не сразился.
 Здѣсь ни одинъ изъ ляховъ не остался в живихъ,
 Пали всѣ на Батозѣ в немощахъ силъ своихъ ¹⁾.
 По той побидѣ нѣсколко времени спустя
 Побиты и под Жванцемъ, сами побить хотя ²⁾.

¹⁾ «По веснѣ (1652 г.) Хмельницкій... повелѣлъ войску в поле выходить и послалъ къ молдавскому господарю, требуя по уговору дочери его сину своему в жену, инакоже грозя въ 100,000 войска прийти къ нему въ гостину; чего ради волохи всѣ, боясь разоренія землѣ своей, настояли на своего господаря, дабы не отрѣкалъ Хмельницкого сыну дочери своей, и хвалились самого его, естли того не учинить, видать. Господарь же тайно послалъ къ королю полскому, просячи препятствія, и потому Калѣновскій, гетманъ полный, притягль, сталъ на Батозѣ с войскомъ конницѣ 6,000, а регулярной пехоти 3,000, кромѣ охотного, и заступили дорогу Хмельницкому до Волохъ; куда къ Калѣновскому и братъ его, в Нѣжинѣ квартировавший, прибилъ съ войскомъ... Тогда жъ, какъ сошлись козаки и татаре съ ляхами, тотъ часъ козаки и нехотя ударили на обозъ лядскій, а татаре на войско лядское, которое, не вѣдая козаковъ, опановавшихъ обозъ ихъ, туда обратилися; ажъ козаки, запаливши обозъ ихъ, противу нихъ бросились, а тутъ рѣка Бугъ. И такъ ляховъ всѣхъ висѣкли, въ томъ числѣ и самого гетмана Калѣновскаго, котораго и голову до Хмельницкого на копы принесено, и Собецкого старосту красноставского; прочинхъ же избѣгннхъ посполство, изволѣкая от болота, убивали нещадно, а сынъ Калѣновскаго въ Бубновцѣ, бѣжа мостомъ, обвалился, утонулъ; вныхъ же многочисленныхъ татаре были-побрали, но и сихъ Хмельницкій, мстячися за Берестецкое надъ козаками немилосердіе, всѣхъ велѣлъ порубать». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 234—235.

²⁾ «Въ 1653 году король знову похотѣлъ самъ ити войною на Хмельницкого, котораго съ войскомъ увидячи онъ Богданъ Хмельницкій под Жванецъ, скуп-

Такимъ образомъ они в безмѣрной страхѣ пришли,
 Чтобъ къ послѣдней бѣдѣ козаки не привели:
 Бросили жилища свои пусты в городахъ,
 Разбѣжались все по пустынямъ, горахъ (вар. поляхъ)
 и рвахъ

И мертвыя тѣла, кои уже сотлѣли,
 Вигребали, какъ звѣри, отъ гробовъ и ѣи.
 »Жрѣте тлѣнны человѣческія приправи!
 Кричали козаки,—все вы ляхи лукави!
 Такимъ кушанемъ кормить васъ давно достойно!
 Не умѣли вы нами управлять спокойно.
 Зачимъ было вѣру нашу ламать стараться?
 Зачимъ било над нами явно издѣваться?
 Для того-ль мы с войскомъ своимъ жили под вами,
 Чтобъ пожитки наши грабили вы з жидами ¹⁾.
 Дадѣте отвѣтъ за тиранскія мученя,
 Отмститъ еще болше небо за озлобленія.
 Уже-ль вамъ не ставало пищи, чѣмъ жизнь прожить,
 Что начали и дѣтей нашихъ в котлахъ варить?
 Вспомнѣте, сколько вы с нами миръ заключали!
 Представте-жь, какъ скоро и часто нарушали!
 Дестъ ваша одна съ злобою дѣйствовала во всемъ.
 Хотѣли истребить насъ, смучить, побить мечемъ.
 (Справедливость однако наша побѣдитель,
 Предсталъ намъ Хмелницкій, общій нашъ свободитель.
 Пребудеть память его у насъ в роди родовъ,
 Пребудеть во вѣкъ и слава, храбрость козаковъ.

ное на все мѣсто, пустилъ вѣсти, что будто-бы, не вѣдая о смерти сыновей, ѣдетъ въ Волощину своимъ въ помощь; которому путь воспящая, король сталъ на Жванцѣ. Куда какъ Хмелницкій, нечаянно съ ханомъ пришедши, обступили полское войско, такъ оно въ тѣснотѣ отъ голоду изнемогать стало, отчего изъ 15,000 пѣхоты полской толко 4,000 осталось, и конного многое число отъ меча и голода пропало». Тамъ-же, стр. 238.

¹⁾ Доселѣ текстъ »Разговора« сохранился въ спискахъ Румянцевскаго Музея и г. Ефименка: слѣдующія-же страницы найдены колько въ спискѣ г. Ефименка.

Защита ваша правда не отъемлется вамъ,
 Послѣдуетъ всегда погибель нашимъ врагамъ.)
 Только ушь полно вамъ сили наши в страхъ истощать!
 Найдѣмъ державу, которая будетъ защищать.
 Утѣснялъ Булканъ троянъ,—вступился Аполлонъ.
 Злилась Юнона на Енея, вожда троянъ;
 Однако овъ отъ Венери к обидѣ не данъ. .
 Свирѣпъ Нептунъ хотѣлъ отнять Улиссовъ животъ,
 Но Минерва вступила за него въ кривавій потъ.
 Поидетъ солнце прежде отъ запада на востокъ,
 Нежелъ мы преступимъ, ужь давъ, оной свой зарокъ.
 Воды в рѣкахъ своихъ скорѣе назадъ потекутъ,
 Нежелъ воины наши себя вамъ предадутъ.
 Звѣзды на землѣ прежде крѣпко утвердятся,
 Земледѣлцы на небѣ съ сохою населятся,
 Вода вспламенится, отъ огня пойдутъ воды,
 Нежелъ обратимся к вамъ въ вѣчные роды» ¹⁾.
 Затѣмъ, какъ Хмелницкій от Полши вовся отсталъ,
 Салтанъ турецкій Османа-агу прислалъ,
 Дабы со всѣмъ войскомъ своимъ ему поддался,
 Къ полскому королю вѣчно не возвращался,
 И в знакъ милости чрезъ того-жь Османа-агу
 Прислалъ ему саблю, булаву и корогву ²⁾.
 В.-Р. Ты же про турковъ говорила со мною,
 Скажи, кто еще хотѣлъ обладати тобою?
 М.-Р. Не разъ и не два должно-бъ про нихъ еще сказать;
 Ибо премного тѣ старались меня склонять.

¹⁾ » Въ элегии Овидій славній ромскій стихотворецъ, посланъ будучи в силу и идучи моремъ, окруженъ волнами, такимъ образомъ написалъ въ книгѣ 1 своей, въ элегии 2, стих. 5—10, гдѣ сию рѣчь проводилъ онъ к Августусу Цесарю, котормъ сосланъ биль, также жалуясь на друга своего въ 1 книгѣ, в элегии стих. 1—4«. Примѣч. автора.

²⁾ » Того-аъ року (1650) Асманъ—ага, от турецкого султана чаушъ, присланый къ Хмелницкому, привезъ шаблю, хоругвь и булаву, совѣтуя ему съ Украиною, отъ полского короля отступивъ, подклонится под турецкую область«. См. » Краткое описаніе Малороссіи «, стр. 229.

Да и крымскому хану хотѣлось мною владѣть,
 И другимъ думалось то склонить, то одолѣть.
 Однакъ ни на ково изъ всѣхъ онихъ не смотря,
 Хмельницкій созвавъ войско свое и ободря,
 Російскому Государю себя извѣстиль,
 Ему со всею Украиною поддалъ и покорилъ
 И предъ російскимъ бояриномъ Бутурлиномъ
 В Переяславлѣ тогда-жъ присягнулъ вѣчно в томъ.
 Алексѣй Михайловичъ, самодержецъ главнѣй,
 Добровольной поддачи видя мой знакъ явнѣй,
 Монаршую грамоту волностямъ доставилъ,
 Всѣ прежние статьи утвердилъ и возставилъ ¹⁾.

И такъ, когда Россіи надлежать ужъ стала,
 Покажу, какъ и при ней храбра прежде бывала.

В.-Р. Знаешь-ли, с нимъ говоришь, иль ты забиваешь?

Вить я Россія! Зачимъ меня пропускаешь?

Для чего не придаешь мнѣ точно подачу

И отнимаешь у меня свою удачу?

Будто въ другой Россіи, не ко мнѣ принадлежишь,

И при мнѣ, будто без меня, войнами гримишь!

М.-Р. Знаю, что ты Россія, да и я такъ зовусь.

Что ты пугаешь меня? Я и сама храбрусъ.

Не тебѣ, Государю твоему поддалась,

При которыхъ ты съ предковъ своихъ и родилась.

Не думай, чтобъ ты сама была мой властитель,

Но государь твой и мой общій повелитель.

А разность наша есть в приложенныхъ именахъ.

Ты Великая, а я Мала живемъ в смежныхъ странахъ.

¹⁾ »Присланъ ближній бояринъ и дворецкій Василій Васильевичъ Бутурлинъ съ иными боярами и столниками и дворянами до гетмана Хмельницкаго и всего войска для постановленія статей и съ обѣщаніемъ великой милости государевой. И тогда Хмельницкій со всею старшиною, приехавъ въ Переяславль, на Богоявление Господне 1654 года, позволилися быть всѣ обще под единовѣрнымъ монархомъ всероссійскимъ..., на чемъ и присяги учинили«, и проч. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 239.

Что-жь я малой называюсь, а ты великой,
 То какъ тебѣ, такъ и мнѣ нимало не дико.
 Ибо твои предѣлы пространнѣе моихъ,
 А мои обширностями поменше твоихъ.
 Уже-ль гора собою надо мной обладаетъ?
 Нѣтъ, нѣтъ! но какъ сей (?), такъ та къ тому при-
 надлежитъ.

Такъ мы с тобою равни и одно составляемъ,
 Одному, не двумъ государямъ присягаемъ, —
 Почему почитаю тебя равну себѣ.

Не говори: какъ обществу, поддалась и тебѣ!
 Самодержецъ твой и мой шлетъ тебя и меня,
 Одинъ онъ отзываетъ изъ походу шля,
 А не ты республикою повелѣваешь мною.

Ничѣмъ неумаленна царемъ я предъ тобою,
 Оставленна также я при своихъ чинахъ всѣхъ,
 Обнадежена, и впредь милостію тѣхъ.
 А ты при своихъ достоинствахъ пребываешь,
 Кои отъ того-жь Государя получаешь.
 И такъ не можешь и въ семь всю меня обидѣть;
 Какъ бы ни тщилась чины мои ненавидѣть;
 Отъ ково ты получаешь, и я отъ того.

Не достанетъ толко у насъ с тобою одного
 Того, что чины твои инако зовутся,

А мнѣ также инимъ названіемъ даются.
 Но сіе-ль для тебя можетъ казаться странно?
 Обойди умомъ всѣ государства пространо,
 Во всякомъ почти найдешь различіе в чинахъ...¹⁾

Здѣсь слѣдуетъ небольшой перерывъ въ спискахъ „Разговора“. Малороссія должна была рассказывать Великороссіи о заслугахъ, оказанныхъ Богданомъ Хмельницкимъ русскому государству. Въ имѣющихся у насъ спискахъ мы имѣемъ только

¹⁾ На этомъ прерывается списокъ г. Ефименка. Дальнѣйшій текстъ »Разговора« изложенъ по спискамъ Румянцевскаго Музея.

окончаніе этого разсказа, которое заключаетъ въ себѣ плачь по умершемъ Богданъ Хмельницкомъ и прославленіе его подвиговъ.¹⁾

Какъ Геркулесъ древный пройшолъ бы с войскомъ скори,
Широкій и пространній путь для всѣхъ далъ бы тамъ,
Кровной побѣдой грозилъ-бы тамошнимъ жильцамъ:
Но ниже слѣдовало ити туда ему.

Ни онъ старался нанести войну свѣту всему,
А бился столко с непріятelmi такими,
Кои хъ ко обществу своему узнавалъ злими.
Мужъ имени и чина того достойнѣйшій

Побѣждать враговъ, нежелъ вступать, былъ скорѣйшій.
Гетманъ многоразсудный, бодрый и дерзновенній,
Скоропостижный въ трудахъ, нуждахъ невтомлений,
Бо всякимъ злоключеніямъ воинскимъ обикшій,
Холодъ, жаръ и нужды вдобъ носить первѣйшій
И протчія многотрудныя неспокойства;

Испыталъ трудовъ различныхъ перемѣнъ свойства
Мало радилъ о себѣ, толко-бъ всѣмъ угодилъ,
Общество-бъ и отечество цѣло сохранилъ:
Первой на войну, послѣдней сходилъ с оной ¹⁾,
Дрался, боролся своей храброй обороной.

По многихъ наконецъ славныхъ воинскихъ дѣлахъ
Умеръ, оставивъ память и по днесъ в козакахъ.
Печаль, жалость в послѣдніе роди незабвенна
Базалась тогда всѣмъ ввѣкъ быть неумаленна.

Слезили осиротѣвшіе мои дѣти,
Являли другъ другу печалніе привѣты,
Оплакивали з жалосты неутѣшимой,
Не чаяли никакой отрады любимой,

¹⁾ > Краткое описаніе Малороссіи < такъ характеризуетъ Хмельникаго: > мужъ по прямому имени гетманскаго достойный, дерзновенный, многоразсудный, бодрый и трудолюбивый, всякое злоключеніе, и холодъ, и жаръ, и голодъ, и прочіе неспокойства и хлопоти легко терпѣть приобякшій и о себѣ какъ-бы принебрегшій, толко-бы обществу угождать; первій на баталію, послѣдній по баталіи сходилъ < (стр. 249).

Не думали себѣ ужь быть отцу такому,

Не мыслили, чтобъ такъ удавалось другому.

» Пала уже вся надежда наша, — кричали, —

Не воскреснетъ защита, вѣчно потеряли.

Вселюбезній отче нашъ, любезній!

Чего-ль дождали мы, чтобъ ты намъ лилъ токъ
слезній?

Отче нашъ любезній, вселюбезній отче нашъ!

Уже-ль оставшихся сыновъ своихъ врагамъ дашь?

Отецъ нашъ вселюбезній, любезній нашъ отецъ!

Уже-ль хищнымъ волкамъ попустишь кроткихъ овецъ?

Любезній нашъ отецъ, отецъ нашъ любезнѣйшій!

Уже-ль будетъ намъ безъ тебя гонитель злѣйшій?

Не страшень былъ ни одинъ супостатъ при тебѣ,

Нынѣ-жь боимся многихъ оставшіеся в себѣ.

Уже-ль стануть менять насъ за хлѣбъ, соль и воду.

Какъ то было от ляховъ намъ одного году?

Когда-бъ естли-бъ не ты нами храбро управлялъ,

И память-бы нашу непріятель давно скончалъ.

Пробудись в радость намъ хоть на малое время!

Ощутись, встань, облегчи тоски нашей бремя,

Посмотри хоть собравшихся дѣтей своихъ всѣхъ,

Взглянь еще хотя послѣдній разъ уже на тѣхъ,

Которія утѣшенія не имѣють,

Какъ овцы заблудши по пастырѣ жалѣють!

Они не для того всѣ вмѣсто собрались,

Дабы с тобою отцемъ своимъ на-вѣкъ прощались,

Но чтобъ руководствовалъ ты, какъ прежде, имъ,

Казал-бы, училъ, какъ противиться врагамъ злымъ.

Молви хоть одно, отче любезній, намъ слово!

Вотъ все войско твое пришло, слушать готово!

Собери его вмѣсто, защищай, охраняй,

Покровителствуй, милосердуй и соблюдай,

Поднимись, естли ручей слезъ нашихъ жалѣешь!

Иль ты уже любви к намъ прежней не имѣешь?
 Введись, естли отчаяннымъ хочешь пособить,
 Встань, естли оставленныхъ желаешь ободрить!
 Да! завтра устанеть, завтра ободрить, утѣшить насъ!
 Прерывалъ хлипнющими словами общества гласъ.
 Не такъ, видно, заснулъ онъ, чтобъ встать уже к намъ
 могъ.

Встанеть разви, какъ затрубить при послѣднѣмъ рогъ.
 Тогда ушь сберемся къ отцу своему с полками
 И тогда разви разговоримся с нимъ и онъ с нами.
 А нынѣ послѣдній свой долгъ отдадимъ ему,
 Которой вѣкъ незабвенъ будетъ войску всему.
 Но ахъ! всѣ силы наши превосходить печаль, —
 Не можемъ и тѣла твоего несть отсель вдаль.
 Мы бы хоть на оное со страдою смотрѣли,
 Желали-бъ, чтобъ тебя пред собою вѣкъ имѣли.
 Грозила-бъ еще и тѣнь твоя нашимъ врагамъ,
 Боялся-бъ непріятель при ней приступить к намъ.
 Ахъ, отче! оставилъ дѣтей осиротѣлыхъ,
 Оставилъ в уныніи бывшихъ тобой смѣлыхъ.
 Всѣ веселія утѣхи отсель насъ минуютъ!
 Пособи! вотъ уже враги с нами воюють,
 Напустятъ грусти, скуки, скорби и гоненія.
 Отврати намъ непріятелей нападенія!
 Вотъ всадятъ насъ в разженного мѣдного вола.
 Скончай мученія наши, дай радость, что была!
 Мы на тебя глядя вздохъ тяжкій испуцаемъ,
 От тебе спасенія своего ожидаемъ:
 Оставившаго спящаго тревожимъ, будимъ,
 Трудившагось, потѣвшаго еще томимъ, трудимъ.
 Не отступимъ отъ ногъ твоихъ, ходившихъ с нами!
 Пробудись и води насъ прежними стезями!
 Заблудимъ безъ тебя, разбредемся разно овцы.
 Не встаешь, пастырь? поразятъ насъ мироломцы,

Ищезнетъ слава наша, бывшая при тебѣ.

Увяль цвѣтъ нашъ, увянетъ с тѣмъ и храбрость у
себѣ.

Которыхъ многіе прежь ужасались страны,—

И от малыхъ полковъ будутъ уже попораны.

Оставилъ полководецъ, отсталъ, пошолъ вождь прочь,

Не устоитъ безъ тебя одна уже наша мочь.

Которіе в сраженія смѣло входимъ было,

Тѣхъ сіе нещастіе нынѣ в робость вперед ввело.

Ну, куда ити намъ без тебя и что начать?

Потерявъ голову, можно-ль ногами ступать?

Глаза имѣя, без глазъ стоимъ оцепенѣвъ;

Безъ рукъ кажемся храбры, прежде руки имѣвъ.

Уже и лица наша потупились слеза,

Падаютъ колеблющись и болѣна дрожа,

Изнемогаютъ сердца каменемъ утѣснена,

Пронзенна грудь, терзается духъ уязвленій,

Недоумѣваетъ умъ, страхъ мысль ужасаетъ,

Борущуюсь отраду скорбь одоливаетъ;

Проходитъ сквозъ кости кровь з густотою смѣшена,

Поднимаетъ кожу, кипитъ в глазамъ червлена;

Встаютъ бурны вѣтры, рвутъ волосы нашихъ главъ;

Блѣднѣетъ видъ, даетъ перемѣны весь составъ.

Липились мы отца, предводителя войны,

Остались осиротѣлы ужъ дѣти одни.

Коиъ его щастіе вскормило, взрастило.

Тѣхъ мнѣ нещастіе судьбою вѣк поразило!«

Симъ образомъ дѣти мои плакались надъ нимъ,

Давали вопль, стenanіе по всѣмъ полкамъ своимъ,

Одни казали жалость явными слезами;

Другіе в слихъ спивали, зѣвая устами;

Иніе с необычнымъ шумомъ голосили;

Нѣкаторіе по грудямъ сами себя били.

Часть в скрытомъ мѣстѣ лѣла токъ жалостныхъ ручей;

Часть предъ всѣмъ обществомъ рѣки пушала с очей:
Часть от задумчивости такъ окѣмнѣла,

Что какъ нѣма стоя и гласу не имѣла,
А казала толго в лицѣ знаки различны,
Безкровны, почернѣлы, робки, необычны.

Протчіе стоя над мертвымъ тѣломъ кричали:

Одинъ былъ у насъ отецъ, и того стеряли!
Во всемъ томъ напоследокъ ставъ полками стройно,
Проводили гробъ со всею старшиною достойно;
Несли с Чигирина с церемонѣю войсковою,
Погребли въ Субботовѣ въ каменной церкви той,
Которую самъ от себя онъ соорудилъ¹⁾

... еще тамъ положенъ быть ствердилъ.

Бозаки, отвращая ту печаль помалу,

Стали приходить опять в своему началу
И въ различнымъ войнамъ вновь приготовлялись,
Прежнюю храбрость себѣ доставить старались.
Но полно, думаю, свои силы представлять!

А намирена на Хмелницомъ всю рѣчь скончать.

В.-Р. Куда, право, ты каковъ имѣешь нравъ чудній!

Хочешь, чтобъ тебя просилъ весь зборъ многолюдній!
Приведши в самой жарь, тутъ меня оставляешь.

Болше говорила, в меншомъ изнемогаешь.
Не облѣнись рѣчи до нашихъ временъ довестъ,
Чтобъ достовѣрніе я могла правду почестъ!

Я бы такъ уже, чемъ ближе до насъ доходить,
Янѣе понимать стала, что слухъ мнѣ родить.

М.-Р. Доволно мнѣ казалось до тѣхъ довестъ временъ,
Какъ російскому цару Хмелницкій покорень,
И какую оказывалъ онъ вѣрность ему,

¹⁾ > Умершаго Хмелницкого тѣло старшина и чернь съ войсковою церемонією и с сожаленіємъ проводили изъ Чигрина въ Субботовъ и тамъ въ церквѣ каменной, от самого его ж сооруженной, в неделю погребли«. См. > Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 249.

Войскомъ своимъ обществу угождая всему.

А послѣ ево что происходило во мнѣ,
Спроси подругъ своихъ, тѣ обявлять тебѣ.

Ибо когда сюда стала надлежать,

С кимъ и какъ воевала—могутъ и оны знать.

В.-Р. Не томи-жь меня ссылкой, отсылая в моимъ!

Я и сама знаю, что всякъ пристрастенъ к своимъ.

Они про храбрость твою хоть и знаютъ точь в точь.

Однакъ свою болше прославлять стануть мочь,

А твоей не изяснить силы совершенно,

Пропустять, можетъ быть, в тебѣ незабвенно.

И такъ не можно вовсе положится на нихъ.

Скажи еще, пожалуй, сама мнѣ про своихъ!

Ни прекословить не буду, ниже не вѣрять,

Справедливою стану все мѣрю мѣрять.

М.-Р. Докуву твою тѣмъ болѣе признаю милой,

Чимъ меншь могу остатся в славъ своей силой;

Почему и не хотя продолжу еще рѣчь,

Представлю и далнюю воинскую свою сѣчь.

Прибыль под Глуховъ король полскій Казимиръ Янъ,

Миуя протчихъ, какъ былъ Бруховецкій гетманъ,

Которого чрезъ пять недель сряду доставалъ

И на жестокость зимы не смотря воевалъ.

Но козаки, выскочивъ из города сего,

В скоромъ времени одолѣвъ силу его,

Порубили, плѣнили, разграбили обозъ,

А остальное войско храбро прогнали съвозъ.

Былъ тогда судя генералній Животовскій.

Онъ командовалъ, онымъ прогнанъ король полскій.

Такимъ образомъ король города не доставъ,

Бежалъ со стыдомъ, войска не мало потерявъ ¹⁾).

¹⁾ > Въ 1664 годѣ Янъ Казимѣръ, король полскій, прибывши под Глуховъ зимою, чрезъ 5 недель тамъ затворившихся съ Животовскимъ, судіею генералнымъ, козаковъ крѣпко подкопами и гранатами доставалъ; но козаки, противясь и на odporъ исходя, многочисленныхъ ляховъ и нѣмцовъ ихъ убивали «. Услышавъ о

Тотъ-же гетманъ Бруховецкій годъ потомъ спустя,
 Калмыковъ с казаками в войски совокупя,
 Подъ Бѣлу Церковъ противъ поляковъ самъ ходилъ,
 Гдѣ Яблонского армію силно побѣдилъ,
 Которой какъ ни казалось великъ и силой золь,
 С малымъ числомъ шляхты насилу в Польшу ушоль ¹⁾.
 Полковникъ переясловскій Дмитрашко потомъ
 Побѣдилъ многихъ татаръ, возвратился съ торжествомъ,
 Кой посланъ от Самойловича гетмана,
 И не мала команда была ему дана.
 Тамъ на четыре мили пестрѣли в даль поля,
 Лежали побитіе непріятелей тѣла.
 А которіе из нихъ остались в живыхъ,
 Забраны всѣ в неволю от козаковъ моихъ ²⁾.
 За того-жь гетмана на четвертой потомъ годъ
 Козаки поступали на турецкій народъ.
 Тогда под Чигириномъ былъ ужасной туркамъ страхъ:
 Гнали ихъ, мертвили, истребляли память в прахъ,—
 И такое ужасное сраженіе было,
 Какого в тотъ вѣкъ нѣгдѣ случиться не могло.
 Под самимъ везиромъ двоухъ лошадей убили,

приближеніи московскихъ войскъ и гетмана Бруховецкаго, » кѣроль съ под Глухова уступилъ съ великимъ войска урономъ, на котораго тотъ-часъ козаки з города устремительно наскакивая, осталцовъ поляковъ били и людей разграбляли«. См. > Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 262.

¹⁾ «Еще гетманъ Бруховецкій, 1000 колмыковъ затыгъ, съ козаками под Бѣлую-Церковъ ходилъ року 1665, съ которыми Яблонскій, послѣ Чернецкаго рейментаръ, многократную войну дѣлалъ, послѣди же, уронивъ много знатныхъ товарищей, въ Польшу помаршировалъ.» Тамъ же стр. 264.

²⁾ »Въ Май (1674) Самуйловичъ гетманъ командировалъ съ 20,000 войска Дмитрашка, полковника переяславскаго, съ двумя полками великороссійскими и съ 15 арматами подъ Смѣлую, где, когда новый салтанъ съ 20,000-ми орды и съ Андрѣемъ Дорошенкомъ многолюднымъ под Орловцемъ тайно на полки гадацкій, уманскій и торговецкій напали, Дмитрашко, почувши о стрелбѣ и тудажъ приспѣвши, татаръ и Дорошенка над Ташликомъ такъ поразили, что трупомъ на четире милѣ поле услали, а прочинихъ живыхъ побрали«. Тамъ же, стр. 277.

А рядовыхъ турковъ безчислено побили.¹⁾
 Не считая, какъ бились ружейною палбою,
 Дрались и руками, какъ на кулачномъ бою.
 Неприятелей войска такъ мало осталось,
 Что едва в третьей части оногo считалось.
 Почему премногихъ тѣ втерывъ своихъ людей,
 Богатства запасы и подемныхъ лошадей,
 Ничего уже иного въ спасеніе не ждали,
 Токмо что в свою землю безчестно бежали¹⁾.
 Послѣ-жь десяти лѣтъ то дѣйство произвели.
 Что очаковскій уѣздъ ввесь козаки сожгли,
 Разорили плачевно тамошнихъ людей всѣхъ,
 Плѣнили бѣдственно кто ни былъ зъ жителей тѣхъ²⁾
 Чрезъ два года опять подъ Очаковъ ходили,
 Гдѣ жилиа многихъ татаръ вовся понапали;
 Брали скотъ и самихъ ихъ поражали мечемъ;
 Били женъ и младенцевъ не щадили ни в чемъ³⁾.
 Козаки, собравшиися, ходили в сѣхъ годахъ
 Для защищенія границъ своихъ в дикихъ степяхъ
 И чтобъ оберегать и освобождать кристіянъ
 От нападенія и плѣненія бусурманъ,

¹⁾ 1678 года московскія и малороссійскія войска, послѣ неуспѣшной осады Чигирина, отступили къ Днѣпру, »при великомъ от неприятеля наступленіи, и толко двѣ милѣ за два дни вошли и во вторникъ при Днѣпрѣ окопалися, за которыми тотъчасъ прійшовши, вейзѣръ и ханъ и Хмельниченко (Юрій Хмельницкій) цѣлую неделю ихъ доставали, хотячи обозъ съ вождями взять, Но тамъ наставленіемъ гетманскимъ такую баталію съ турками свели, якая въ сей вѣкъ нѣгде не случается, и подъ самымъ вейзѣромъ, прі убійствѣ безчисленныхъ турковъ, коней двухъ убили; где, кромѣ стрелбы, и рукопашъ козаки съ ними билися, чего для они принуждены от войскъ россійскихъ назадъ съ ненаградимымъ убыткомъ уступить до Чигирина, оттуда же и далѣе какъ найскорѣе во свояси чуть у третьей части войскъ бюсурмавскихъ ушли«. Тамъ же, стр. 284—285.

²⁾ » Въ року 1690-мъ войско козацкое ходило под Очаковъ, где жилиа попалили и обиды татарамъ подѣлали«. См. »Краткое описаніе Малоросіи«, стр. 289.

³⁾ » Въ року 1692-мъ .. войско городовое и компанія знову подъ Очаковъ пошедши, посады сожгли и з яссіромъ прішли«. Тамъ же, стр. 291.

Коихъ отбивали от татаръ сильной рукой,
 Отпущали ихъ в отечество сами собой,
 И малыми людьми на оныхъ нападая,
 Разбивая татаръ, многихъ побѣждая,
 И на томъ бою илѣнивъ немалое число,
 Гнали в Москву и въ Полщу, куда ближе было.
 Ибо ляхи видя, что войной не успѣли,
 С россійскимъ государемъ миръ тогда имѣли.
 За что велику себѣ милость получала
 И жалованя много отъ монарховъ брала¹⁾.
 Здѣсь и о Палѣю вспомянуть не премину,
 Кой гналъ непріятельску партію не одну.
 Полковникъ тотъ бѣлоцерковскій Семень Палѣй,
 Родомъ изъ Борзны, казалъ ревность Россіи всей.
 Онъ охотное войско при себѣ имѣя,
 Прогонялъ от Россіи не одного злодѣя
 И выборнымъ войскомъ не только не допускалъ,
 Чтобъ татары и с Россіи и Полщу воевалъ,

¹⁾ » По заднѣпрскомъ гетманѣ Могилѣ король Собоцкій устроилъ гетманомъ Самуся, а въ которомъ году— неизвѣстно, и далъ ему привилеи и клейноты, плату же войску и з скарба папѣжского, и резидовалъ Самусь в Вѣнницѣ на Поднѣстру. Въ тѣхъ городахъ многіи, прибравши къ себѣ охотныхъ козаковъ запорожцовъ или городовыхъ и подѣлавшись ватагами то полководцами, безъ указа, своею охотою, ради защищенія христіянъ от нападенія бѣсурманского и для обороны границъ, го дикихъ степяхъ, на обѣихъ сторонахъ Днѣпра татаръ съ людьми, въ Полшѣ и Россіи набранными, поворочающихъ разбивали, отбивая конѣ ихъ и оружье себѣ, а христіянъ плѣненныхъ въ землѣ ихъ и въ отчества отпущали и проводили; ездячи же на тѣхъ пустоширокихъ степяхъ, иногда звѣриннымъ мясомъ кормилися, а иногда толокна толко да сухарей толченымъ в сутки разъ вкушали, съ великимъ от татаръ опасеніемъ, не имѣя ни дороги, ни слѣда, и конямя ржати не доущая, и безъ огня, будто звѣры, по тернахъ и комышахъ кормилися и пути свои, порознившись, теряли, но паки познавая оніе в день по солнцу и крыжахъ земныхъ и могилахъ, ночью же по звѣздахъ, вѣтрахъ и рѣчкахъ, сходилися и, тако высмотрѣвши татаръ, нечаянно малымъ людомъ великія ихъ купы разбивали и живыхъ въ Москву или въ Полшу (кому куда способнѣе) отвозили, получая за то милость монаршую«. Между сими ватажками былъ и Семень Палѣй. Тамъ-же, стр. 289—290.

Но въ Бендерщину ходилъ еще самъ собою
 И въ Бѣлгородчину (Аккерманъ) ступалъ в томужь
 бою,
 И на Буджаки посылалъ козаковъ своихъ.
 Хотѣлося татарскихъ силъ ему не однихъ,
 С которыхъ многіе и разорялъ главно,
 Покорялъ города и побѣждалъ всѣхъ славно.
 Да и Очаковъ дважды доставалъ с удачей,
 Бралъ иногда от жилицъ тѣхъ испусть с наддачей,
 А иногда всё богатства забиралъ въ оноу,
 Что раздавалъ на войско с турецкимъ урономъ.
 Такъ малое число козаковъ при немъ было,
 Коихъ множество турковъ одолѣть не могло,
 Воинское искусство ему пособляло,
 Храбрость и щастіе славу побѣды давало.
 Причемъ однажды такую смѣлость возимѣлъ,
 Что на янычарахъ какъ-бы на лошадяхъ сѣлъ
 И такимъ образомъ в саму крѣпость ввалился,
 Гдѣ сѣдя на самихъ ихъ плечахъ с ними бился
 И яничаръ многое число вырубилъ, збилъ,
 И самого салтана чуть было не плѣнилъ.
 Зачимъ турки, войну ту проклиная страшну,
 Засыпали оную городскую башню,
 Которой янычарми Палѣй в Очаковъ вдрался
 И сидя тогда на ихъ плечахъ с ними-жъ сражался,
 И пенынѣ под самую крѣпостю башня та
 Палѣева зовется, гдѣ туркамъ страсть была.
 А однажды сражаясь с татарскими силы,
 И самага ихъ хана козаки плѣнили.
 Гдѣ мой-же Патѣй былъ главный предводитель.
 Онъ оставался над ними главной побидитель.
 Почему татары миръ с нуждой заключали
 И великіе ему дары присылали.
 Потомъ поляки, благодѣянія забывъ
 И всё услуги его в забвеніе пустилъ,

Взяли оного въ Майбургъ коварнымъ обманомъ.

И такъ в сылку сосланъ былъ короннымъ гетманомъ,
Гдѣ ему вѣрной его слуга лошадь поддалъ.

И такъ онъ вырвався в желѣзахъ къ своимъ прибѣгалъ.

Почему гетманъ тотъ, желая его достать,

Выправилъ на него полскихъ гусаровъ опять,

С коими немецка пѣхота шла,

Да и артилерія тамже с ними была.

Но Палѣй над Хвастовомъ всѣхъ оныхъ поразилъ,

Побилъ, прогналъ и немалое число плѣнилъ.

За что поляки, разгнѣванны необычно,

Отправили войско на Палѣя вторично,

Гдѣ такъ остались они побѣждены,

Что и тысячей с мѣста не ушло спасеній.

Заграбили тамже козаки весь обозъ ихъ,

Великими добычами богатели своихъ.

А Рустичъ полковникъ, видя таку свирѣпость,

В Менжелѣвку бѣжалъ—былъ первіе въ крѣпость.

Потомъ с оной тихонко чрезъ валъ спустился

И такъ у Полщу убежалъ, от козаковъ свободился.

Тотъ-же Палѣй послѣ того на четвертой годъ

Собравъ кievского полку козацкой народъ,

С полковникомъ ихъ Очаковъ другой разъ досталъ.

И с переяславскимъ тожъ какъ на нихъ воевалъ,

По нѣсколко партій турецкого войска збилъ

И триста челонѣвъ турковъ живыхъ полонилъ,

Коиыхъ знаменами ихъ в Батуринъ пригнали ¹⁾.

Такимъ образомъ с туркомъ козаки играли.

¹⁾ Семень Палѣй, родимецъ борозенскій, женился за Днѣпромъ въ Фастовѣ и держа при себѣ войско охотное, не токмо не допущалъ ордѣ Полщу и Россію воевать, но и самъ ходил и посылая жолнѣровъ на Бу(д)жаки и Бѣлагородчину, села татарскіе и Очаковъ разорялъ, и где нападали на него татары, онъ мужественно ихъ побѣждалъ съ великою христіанскою пользою; однажды же самогъ ими командующаго салтана взялъ, и тогда татары, примирившись с нимъ, знатными

Черезъ годъ потомъ всѣ малороссійскіе полки,
 Слободскіе и запорожскіе козаки,
 С Борисомъ Петровичемъ Шереметовымъ ставъ,
 Побѣдили турковъ, на оныхъ силно напавъ.
 Взяли каменніе четыре ихъ города,
 Сами-жъ в себѣ остались без дальнаго вреда.
 Начальниковъ тамошнихъ турецкихъ над Днѣпромъ
 И янчаровъ многихъ взяли жъ в городѣ томъ.
 Подѣлили богатство всей арміи своей,
 Побрали женъ, забрали также ихъ дѣтей,
 Пригнали в Россію Великую и Малу
 И подчинили всѣхъ въ россійскому началу.
 А Кази-Керминъ (Кизи-Кермень) с основаніемъ разорили,
 И Муберенъ тожъ городъ совсѣмъ спустошили ¹⁾.

дарами обсылали аго. Утишив же Заднѣпре, ожилъ былъ какъ удѣльный панъ, и располагая войско свое по Полѣсю, десятины с пасѣкъ в индукту почитай со всей оной Украины, даже до Днѣстра и Случи, на себе вималъ. Потомъ ляхи, запомнѣвши Палѣвыхъ благодарній, обманомъ взяли были его и въ Малборгъ заслали. Но овъ и оттуда, на подведеннаго коня всѣвши, къ своимъ въ кайданахъ прибѣгль; за чимъ гетманъ коронный выправилъ на него гусарское войско съ пѣхотою нѣмецкою и полскою под Фастовъ при арматѣ съ гранатами. Но Палѣй какъ сохриль войско свое въ лѣсахъ, самъ затворился въ городѣ, и какъ подступили к нему поляки, такъ войско оное з поля на лядскій обозъ, а Палѣй з города на шанцѣ ихъ ударивши, принудилъ ихъ же миръ з собою учинить и съ стыдомъ прочь пойти... Еще потомъ на Палѣя и друзей его полковниковъ ординовали ляхи рейментара Рустича съ великимъ войскомъ, въ которомъ и высокородныи панове были ради отбирания своихъ маестностей. Тогда Самусъ, вмѣсто Палѣя, на войну не пошовшаго, съ войскомъ его Палѣвымъ и съ полковниками Абазиномъ и Искрою и иными пошедши, под Бердичевомъ оныхъ ляховъ збилъ и в замокъ манджалѣвскій вгналъ, где принужденъ Рустичъ, оставя свое войско козакамъ на зарѣзъ и весь обозъ на жакъ, з муръ спустунтася и съ недоумѣніемъ о животѣ прочь бѣжать». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 290—291. Но въ «Описаніи» нѣтъ разказовъ о томъ, какъ Палѣй вѣхалъ въ Очаковъ на янчарахъ, и о другомъ походѣ его на Очаковъ съ полковниками кievскимъ и переяславскимъ. Кажется, авторъ «Разговора» воспользовался здѣсь устнымъ преданіемъ о Палѣй и самъ лично провѣрилъ его въ Очаковѣ.

¹⁾ «1695 года Борисъ Петровичъ Шереметевъ съ разными великороссійскими и слободскими полками, также и Мазепа со всѣми полками городскими и

Въ году-жъ тысяча шестьсотъ девяносто шестомъ,
 Какъ въ ужасномъ сраженіи козаки были томъ,
 Они с туркомъ въ Озовѣ (Азовѣ) невтомимо бились,
 В страшномъ огнѣ на непріятеля залились,
 Казали государу вѣрность и прислугу,
 Достать города пособляли другъ другу;
 Палили тамъ своя ружя непрерывно,
 Хватали турецкіе партіи отрывно.
 При вреву россійскихъ бомбъ, свой огонь давали:
 Мечемъ вооружены, враговъ устрашали;
 Схватывались с копьями на градскія онія стѣны.
 Не искали в кровныхъ трудахъ перемѣны
 И турковъ убивали не только стрѣлбою,
 Но и безчисленныхъ ихъ хватали рукою.
 Громъ, туча, трескъ ужасной казался тогда и стугъ.
 Вырывали знамена ихъ силою из рукъ
 И бросали оне в свое войско с валу.
 Великую тѣхъ силу збивали помалу
 Зацепляли *пали* банатами водными,
 Сворачивали с валу силами своими,
 Разбивали, ломали каменныхъ стѣнъ заборъ,
 Ступали неровной в большой еще задоръ,
 Такимъ образомъ в городъ пролазъ учинили.
 В которой одни другихъ ввалится тѣснили.
 Почему турки, видя своей палбы неуспѣхи,
 Зажигали с порохомъ цѣліе уже мѣхи
 И бросали за стѣны на упадъ козаковъ,
 Изрыли близ валу и глубокой там же ровъ.
 Но и то козаковъ воспятить не могло:
 Вели ихъ до побѣды весело.

охотными и низовыми козаками, четыре турецкіе города каменные над Днѣпромъ
 в спасовѣ мясопустъ взяли и начальниковъ и янчаровъ съ людьми и женами и
 дѣтии и съ богатствомъ въ Великую и Малую Россію забрали, а Казикерменъ и
 Муберекъ до фундамента разорили. Тамъ-же, стр. 293.

И тагъ турки чалмами в нуждѣ замахали
 И, знамена наклонивъ, мира просить стали:
 »Помилуй, російской государь побидитель!
 Даруй оставшимся животь, будь нашъ свободитель!
 Обще просимъ,—кричали,—с монархией цѣлой.
 Довольно для тебя хваль, превосходишь насъ силой! «
 Почему, при полученіи милости той,
 Здали со всею аммуницею городъ свой:
 Отдали все бывшіе припасы, богатства,
 Мечетніе и городовіе изрядства.
 Пятнадцать тысячъ моего войска было здесь.
 Которой къ Лизогубу надлежалъ корпусъ весь.
 Черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ тотъ
 В воинскомъ семъ дѣйствіи проливалъ трудовъ потъ.
 Онъ то время будучи гетманомъ навазнымъ,
 В прислугу отечеству учинился способомъ разнымъ:
 Управляя, показывалъ примеръ самъ собою,
 При великороссійскихъ слылъ и в своемъ бою.
 И с какимъ стремленіемъ твои рвались полки,
 С толикою ревностью и мои бились козаки.
 Гдѣ з Лизогубомъ были знатнѣйшіе в воинѣ
 Три полковники, командующіе во мнѣ,—
 Михайло Бороховичъ гадяцкой полковникъ,
 Леонъ Свѣчка лубенской таковой-же чиновникъ,
 Прилуцкій полковникъ Горленко Дмитрій,
 Все сіи отбывали турковъ проэкты хитрій.
 Государь, видя вѣрность с усердіемъ моихъ,
 Пятнадцать тысячъ рублевъ роздалъ на рядовыхъ.
 А знатнѣйшимъ сотвикамъ і полковымъ старшинамъ
 По пятнадцати червонцовъ указалъ и самъ.
 Полковники-жъ з Лизогубомъ болшъ награждены,
 Соболями и денгами обогащенны ¹⁾).

1) «1696 года... виправился повторно под Азовъ его царское величество государь Петръ Алексѣевичъ съ множайшими войсками и запасомъ стройно, куда повелѣлъ и малороссійскаго войска 15000 ступать, которое тотчасъ гетманъ вы-

Напомяну еще, какъ турковъ корпусъ не малый
 Розбилъ атаманъ запорожскій Яковъ Чалый.
 С малымъ числомъ козаковъ онъ по морю ходилъ,
 Восѣмъ кораблей взялъ, самыхъ ихъ много плѣнилъ¹⁾.
 А чрезъ тридцать семь лѣтъ по сраженіи ономъ
 С какимъ отошли ляхи отъ меня урономъ!
 Ибо какъ въ Полщѣ баталѣя учинилась
 И подъ Солодковцами моя часть сразилась,
 То партизаны Ля(е)щинского прогнаты прочь,
 Не могли управитя, употребя всю мочь.
 И все войско полское отъ козаковъ збито,
 Такъ что поля на десять верстъ было покрыто,
 По которымъ мертвіе и тѣла лежали,
 Кои какъ снопы все пространство устилали.
 А особливую заслуживаетъ хвалу
 Галаганъ полковникъ, оказавшійся въ войну ту.

правиль, опредѣлить над ними командира черниговскаго полковника Якова Лизогуба и съ нимъ полковниковъ: гадяцкаго Михайла Бороховича, прилуцкаго Дмитрия Горленка и лубенскаго Леона Свѣчку... Когда изъ города турки выпоромъ а и с поля орда на козацкій обозъ шкодливо нападать стали, тогда козаки, нѣмецкихъ подкоповъ и штурмовъ не дожидаясь, сама дерзновенною охотою чрезъ валъ азовскій съ турками великій бой вчинали и цѣлый день в огнѣ страшномъ на неприятеля валячися, прислугу свою государю являли тамъ, з оружья палачи немохибно и с конями на стѣну скачучи, не токмо турковъ стрелбою, но и зручъ ламали и убивали, хоругви ихъ хватали и, канатами водними за палѣ градскіе закидая, з валу оныя ворочали, и въ городъ дыру дѣлали, и на дыру тую одни предъ другими въ городъ ввалитися тшились и захочивали себе. А такъ турки, не могучи козаковъ оружіемъ отбить, мѣшкаки съ порохомъ, приправляя огонь, за стѣны кидали и козаковъ обжигали; потомъ ровъ глубокій въ городѣ близъ штурму ископали на упадъ козакамъ. Но ни мѣшки, ни ровъ не помогли туркамъ; козаки бо, когда турецкій блякавзъ 17 іюля подкопали, и оною ночью доставши, четыре орматы тамъ и прочего взяли, тогда турки рано, увидѣвши сіе, также и тое, что еще они-жъ смѣлѣе собираются въ великіе партіи и, нещадя себе, сильно нападать на городъ начинаютъ, предъ очима его царскаго величества, оныя 18 іюля замахахи шапками и, хоругви наклонивши, стали на миръ зывать и милость у государя просить, что и получили». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 294—5.

¹⁾ О Чаломъ ничего не сказано въ «Краткомъ описаніи Малороссіи». Что въ 1696 г. онъ былъ кошевымъ атаманомъ, объ этомъ см. «Исторію Новой Сѣчи» А. Скальновскаго, 2 изд. 1846 г., т. II, стр. 133.

Онъ своимъ полкомъ протчихъ славою превосходилъ,
 Страшилище и грозу полякомъ наводилъ¹⁾.
 Укрощали вояки турковъ тожь свирѣпость,
 Когда доставали и Очаковъ ихъ крѣпость.
 Тогда какъ похулилъ моихъ преданность Минихъ,
 Помниш-ли, какъ оправдалъ Лессій сихъ невинныхъ?
 Да и подъ Хотѣню вояки бодрость и вѣрность
 Возобновляли прежню храбру свою древность.
 Не думай, что не могу похвалиться славою.
 Какъ и з шведами была война подъ Полтавою,
 Гдѣ славной тотъ мой, хотя дряхль уже былъ, Палѣй
 Грозилъ непріятельской шведской арміи всей²⁾.

В.-Р. Ага, такой-то в тебѣ храбрости примѣта,
 Что измѣнила ты около того лѣта!

М.-Р. Ахъ, ахъ! куда какая спесь и строптивость права!
 Естли опомнишся, не останешся права.

¹⁾ «Король польскій Августъ Второй въ 1733 году умерлъ, и того ради, къ воспященію умысла короля Станѣслава Лѣщинскаго (францкому королю тестя) и къ усмирению многихъ поляковъ—партизентовъ, а къ возведенію на тронъ Августово сына Фридерика, командированы от ея величества государини императрицы войска великороссійскіе и малороссійскіе въ Полщу, где оныя войска и зимовали на 1734 годъ и далѣй; а надъ малороссійскимъ войскомъ и надъ бунчуковыми былъ въ томъ походѣ главнымъ командиромъ обозный генеральный Яковъ Ефимовичъ Лизогубъ... Да тогда-жъ зимою еще пошли многіе полки великороссійскіе и малороссійскіе, съ полковникомъ прилуцкимъ Галаганомъ, при князѣ Алексѣи Шаховскомъ, въ полскую сторону для разоренія маетностей партизантовъ или конфедератовъ короля Станѣслава, и имѣли съ ляхами баталію и побѣдили ихъ; тамъ Галаганъ мужественно показался». Тамъ-же, стр. 316—7. Но въ «Описаніи» нѣтъ подробностей и мѣста сраженія.

²⁾ Объ отзывѣ Миниха относительно козаковъ см. выше. Объ участіи козаковъ во взятіи Хѣтина въ 1739 году см. «Исторію Россіи», Соловьева, т. XI, стр. 156—157. См. «Исторію Новой Сѣчи», Скальковскаго, 1846 г., т. II, стр. 105 и 109.

³⁾ «1709 року напередъ указомъ государевимъ Палѣя з Сѣбѣтра сискано и милость къ нему показано, который удостоился видѣть лобѣду надъ шведами подъ Полтавою и самъ тамже на конѣ, хотя уже поддерживанный, ездилъ, побуждая войско, дабы непріятелю сламанному не дали ободритись (вар. обозрѣтись), пока весьма ослабѣють и сдадутся». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 301.

Ты сама общалась ужъ мнѣ вѣрить,

Непрекословить и праведной мѣрой мѣрить.

А за чимъ опять! злобной начинаешь задоръ,

Вступаешь в ненавистной и враждебной вновь споръ?

Вовсе несправедливо язвись и обидно.

Тебѣ-бъ и думать такъ про меня, право, стыдно.

Ибо измѣна тогда не всей меня была —

Отъ одного Мазепы толко произошла,

С коимъ никогда о томъ не соглашалась я.

Если же сіе меня не можетъ оправдять

И буди то, что онъ былъ, станешь вѣкъ твердить:

То вспомни ты сама всѣхъ измѣнниковъ своихъ

И разныхъ государственныхъ преступниковъ злыхъ!

Ты одного такого с жаждой нашла во мнѣ.

А я легко видѣла сто подобныхъ въ тебѣ.

А если еще стрѣлцовъ и другихъ мѣлкихъ счастье,

То и в болшимъ порокамъ могу тебя довести.

И то ты поступаешь; менѣ-жъ двоихъ сотъ лѣтъ еще
нѣтъ.

Какъ поддалась, да такихъ не видишь во мнѣ примѣтъ.

И буди не знаешь иль забыла родъ связанныхъ

Измѣнниковъ своихъ и преступниковъ разныхъ,

Кои казненны во вѣчной ссылки по смерть жили,

Разжалованы и под карауломъ были;

То я здесь-же пред тобою считать стану,

Представлю, какъ было, и скажу без-обману.

Кои противъ царей Юанна и Петра Алексѣевичевъ в
змѣни обличенъ

И князь Василій Голицынъ на Сибирь сосланъ,

Потому что когда былъ противъ татаръ посланъ,

Воротился назадъ празденъ, Перекопъ оставилъ,

Что онъ здѣлалъ для татаръ, обрадовавшись вдругъ,

Какъ скоро поднесли ему червонцовъ бурдюгъ,

Въ которомъ сверху толко добри лежали

А в средину ложніе в обманъ наполняли ¹⁾.
 Да и Шереметевъ что получивъ,
 Когда російскому государю изминивъ?
 Не отъ самихъ-ли ляховъ отданъ былъ в неволю,
 Гдѣ болшь двадцати лѣтъ проплакалъ свою долю!
 Коего какъ самого, такъ и войско его
 Держали татаре во утѣсненіи всего.
 Ибо бояринъ оной великоросійской,
 Какъ напалъ на него и козаковъ ханъ крымской
 И поляки, то с ними усовѣтовался онъ,
 Чтобъ войско російское ис Кіева вывести вонъ
 И ляховъ туда пустить, а козаковъ бы всѣхъ,
 Бывшихъ при себѣ, выдать татарамъ в мѣстахъ тѣхъ.
 Какой Шереметовой измѣны не стерпѣвъ,
 Цицюра наказній мой гетманъ, кой сколко зрѣвъ,
 Какъ начали уже татарскому народу
 Отдавать всѣхъ козаковъ за хлѣбъ, соль и воду,
 Почему, оставивъ его, сквозь татаръ пробились
 И такъ от нихъ хотя с урономъ свободились.
 Дали-жь Шереметева ляхамъ тѣмъ,
 Что не вдоволствовалъ ихъ в договорѣ своемъ:
 Ибо не токмо не могъ впустить въ Кіевъ ляховъ,
 Но недопущень туда и самъ от козаковъ.
 Такимъ образомъ хотѣлъ онъ моихъ погубить,

¹⁾ «Въ року 1689 повторно на Крымъ князь Васплій Василюевичъ Голицинъ и гетманъ Мазепа и боярины—Шейнъ, Долгоруковъ, Змѣевъ, Шереметевъ и Шепелевъ, съ обоенародными войскамп пошедини, под Самарю въ априлѣ стали», а отсюда пришли подъ Перекопъ. Но татаре, «вдавшися до хитростей, когда войска начали под Перекопъ шанцами приступати,...—мира искаая, поступили князю Голицину искупъ и ложными червонцами, въ бурдюги насыпанными, его обманули, сверху только добрими прикрпвши. И тако все войско, хотя съ трудомъ, однакъ охотно, ради користи и славы, Крыму достигшее, принуждено от стѣнъ градскихъ съ жалемъ и руганіемъ на гетмана отступить, который мусѣвъ пред войско виехатъ и, его невинность показивая, лагодно ихъ укротить». Бояре за измѣну были казнены и Голицинъ на Сибирь сосланъ. Тамъ-же, стр. 288—289.

Но самъ попалъ в неволю, какъ вздумалъ измѣнить ¹⁾).
 Чтѣ-бъ російскіе наши цари здѣлали с нимъ,
 Если-бъ не татарамъ, но достался бъ тогда имъ?!
 Но сего недоволено: еще былъ злой навѣтъ,
 Пребывъ только послѣ сего пятьдесятъ осмь лѣтъ.
 И вспомни, и кого и за что Петръ первій казнилъ,
 Какъ с иностранныхъ земель в отечество прибылъ!
 Не Лопухина-ль и другихъ сверстниковъ того?
 Не за измѣну-ль противъ Величества Его?
 Свидителемъ чему Скоропадскій мой гетманъ,
 Бывшій с полковниками своими тогда тамъ,
 Кой с Москвы за государомъ ѣздилъ в Питербургъ,
 Отъ кого с милостію отпущенъ обратно в мой кругъ ²⁾).

¹⁾ «Юрій Хмельницкій, учинивши на Кодачку совѣтъ съ бояриномъ Васи-
 лемъ Васильевичемъ Шереметьевымъ ступать войною в Польшу, въ року 1660,
 сам Гончарихою особенно, а бояринъ з Цюцорою, наказнимъ гетманомъ, на Ко-
 телню пошли, намѣревая оба подъ Львовомъ сойтись». Но король польскій и ханъ
 крымскій неожиданно «напали на великороссіанъ и козаковъ под Чудновомъ и
 Слободищами и, побѣдивши, многихъ осадили. Где Хмельницкій, въ особности бу-
 дучи, многократно бой дѣлалъ. Видя-же неприятельскую силу великую и умножаю-
 щуюсь, смирился пред ляхами; а Шереметевъ, не во время познавши, что напрасно
 съ гетманомъ порознился, по долгомъ своемъ и нуждномъ и холодномъ и безвод-
 номъ съ Цюцорою облежени, утрактовалъ съ поляками, чтобъ козаковъ, при немъ
 сущихъ, выдать татарамъ, войско российское съ Киева виведши, ляховъ туда впу-
 стить и прочая. Якой неправости не терпя Цюцора, — ибо уже начали татарамъ
 за хлѣбъ, за соль, за воду козаковъ отдавать, — оставивъ Шереметьева, и хотя
 съ потеряннымъ войска своего, сквозь татаръ пробился. Тогда убо Шереметевъ,
 какъ не возмогъ статей мирныхъ въ дѣло привести, понеже князь Барятинскій,
 въ Киевѣ съ войскомъ обрѣтаясь, не токмо ляхамъ, но ему Шереметеву не далъ
 и близко до Киева приступить, — а таки ляхи, его атаковани, живого самого и
 войско его в награжденіе татарамъ отдали, у которыхъ въ неволѣ онъ Шере-
 метевъ болше дванадцати лѣтъ сидѣлъ; офіцеровъ-же его для окупу себѣ поляки
 оставили». Тамъ-же, стр. 256—257.

²⁾ «Возвратяся з Франціи, его царское величество государь Петръ Алексѣ-
 евичъ въ 1718 году билъ въ Москвѣ со всѣмъ дворомъ его монаршимъ, когда
 сужено Лопухина и другихъ казнено за измѣну, куда и гетманъ Скоропадскій съ
 полковникомъ черніговскимъ Павломъ Полуботкомъ, да съ дубенскимъ полковни-
 комъ-же Андреемъ Марковичемъ и съ писаромъ войсковымъ Семеномъ Савичемъ и

А чрезъ десять потомъ лѣтъ кто подъ карауль взять
 И кого велено из твоихъ в сылку послать?
 Не графъ-ли Петръ Андреевичъ Толстой прозывался?
 Не тотъ-ли за преступленіе туда попался? ¹⁾
 Въ тысяча семьсотъ тридцать шестомъ году потомъ,
 Кагъ козаки в сраженіи съ татарами были томъ,
 Кое происходило на Черной Долинѣ,
 По перемѣнной с обохъ сторонъ судбинѣ
 Гдѣ многихъ тѣхъ прежь мои было порубили,
 Потому когда татаре себя укрѣпили,
 То оныхъ занорозскихъ козаковъ прогнали.
 У слободскихъ полкахъ премногихъ погубляли,
 Куда бывшій в тебѣ Шениъ генераль посланъ былъ,
 Чтобъ російську партію ту отъ татаръ прикрылъ;
 Но понеже, могучи, онъ помочи не далъ,
 То суди сама, не в змѣну-ль чрезъ то попалъ
 И не в вѣчнiе-ли былъ салдаты осужденъ ²⁾?

прочими ездилъ до государя, а зъ Москвы онъ-же гетманъ зъ старшиною ездилъ за государемъ до Санктъ-Петербурга для повиданія строенія онаго, — и съ милостию монаршою отпушены». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 304.

¹⁾ 1721 года «напередъ, по взятіи старого Толстого съ товарищи за карауль и въ сылку, велено и сыну его, полковнику нѣжинскому, съехать зъ Малой Россіи на житло въ Великую Россію». Тамъ же, стр. 311—312.

²⁾ О сраженіи у Черной Долины извѣстно слѣдующее: въ 1736 году, во время крымскаго похода, бывшій кошевой Иванъ Малашевичъ съ охотниками окружень былъ татарами у Черной Долины (урочище Черная Долина, нынѣ станція на перекопской почтовой дорогѣ, днѣпровскаго уѣзда), но не только спасся самъ со многими козаками, но еще и сотни плѣнныхъ татаръ—ногайцевъ къ Миниху представилъ. См. «Исторію Новой Сѣчи», А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 года, ч. II, стр. 95. Но едва-ли была какаѣ-либо измѣна со стороны Шенна, хотя онъ и могъ подвергнуться какому-либо штрафу или наказанію отъ вспыльчиваго и опрометчиваго Миниха. Въ 1742 году послѣднему ставили въ вину, между прочимъ, и то обстоятельство, что онъ, въ «свою при арміи бытность не токмо съ меньшими російскими офицерами, и многожды и безъ суда, не по достоинству офицерскому, въ штрафахъ поступалъ, но и на штабъ-офицеровъ солдатской штрафъ налагалъ; и въ первомъ перекопскомъ походѣ нѣкоторыхъ изъ старыхъ шляхетскихъ фамилій російскихъ полковниковъ, ругаясь, подъ ружье ставилъ, и такъ

Но и еще не весь зборъ такимъ в тебѣ сочиненъ.
Напомню тебѣ генерала-адмирала

И кабинетъ-министра, коего ты знала,
Андрея Остермана, графа бывшего тежъ;

Напомню фелтмаршала въ годки тѣжъ,
Но сего помилованного уже оставлю.

Левенвольда-жъ оберъ-гофъ-маршала представлю!
Спрошу тебя,—гдѣ Михайло Головинъ дѣвался,
Тотъ, которій еще канцлеромъ твоимъ считался!
Гдѣ Мейгденъ комерць-коллежской президентъ бывшій?

Да гдѣ и с тѣми развѣ в чести прежде жившій,
Кой дѣйствителнй статской былъ уже совѣтникъ?

Не здѣлался-ль и сей помянутымъ причетникъ?
И не всѣ-ли оны в измѣнѣ обличены?

Не всѣ-ль къ смертной казни были осуждены
За погрѣшность противъ государева лица

И зъ государственнiя многiя воровства?

Но всемилостивѣйша однакъ Елисаветъ,

Что присудилъ—было тѣмъ весь генералѣтетъ,

Но милосердiю изволила то унять

И вмѣсто смертной казни вѣчно в ссылку сослать¹⁾.

ихъ предъ всею армiею водилъ, изъ нихъ-же нѣкоторыхъ и скованныхъ держалъ; свойственниковъ-же своихъ и адгерентовъ не по ихъ достоинству производилъ «. См. Полное Собрание Законовъ Росс. Имперiи, т. XI, манифестъ 22 января 1742 г., стр. 572.

¹⁾ Свѣдѣнiя объ этихъ измѣнникахъ основаны исключительно на высочайшемъ манифестѣ императрицы Елизаветы Петровны отъ 22 января, 1742 года, объ отмѣнѣ смертной казни приговореннымъ къ оной генеральнымъ судомъ государственнымъ преступникамъ Остерману, Мниаху, Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темиряеву, изобличеннымъ въ противозаконныхъ дѣйствiяхъ къ устраненiю отъ наслѣдiя императорскаго всероссiйскаго престола императрицы Елизаветы Петровны и къ доставленiю онаго потомству принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской. Генеральный судъ положилъ всѣхъ этихъ государственныхъ преступниковъ казнить смертiю, «а именно: Остермана колесовать, Мниаху четвертовать, а Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темиряеву отсѣчь головы, а движимыя и недвижимыя ихъ имѣнiя взять» на государыню. Но императрица Елизавета Петровна всемилости-

Вотъ, смотри! однимъ ты меня попрекнула разъ,
А я сколько сосчитаю твоихъ въ царямъ уразъ!
Мазепу только твердишь, а своихъ забыла,
Недавно тысячными глаза заслѣпила.
Ибо одного легче помнить и усмотрѣть,
Многими-жъ глаза можно помрачить, какъ глядѣть.
Упомяну противъ того славной в себѣ:
Знаешь-ли Разумовскихъ, родившихся во мнѣ,—
Какъ Елисаветъ одинъ изъ тѣхъ услужилъ,
Какъ и Екатерина другой вѣрность открылъ?...

вѣйше «указала ихъ отъ той приговоренной смертной казни освободи, сослать въ заточеніе, а именно: Андрея Остермана въ Березовъ, Минниха въ Пелымъ, Головкина въ Германгъ, Менгена въ колымской острогъ, Левенвольда къ Соли-Камской, Темпрязева въ ссылку въ Сибирь, въ которыя мѣста, какъ его Остермана, такъ и прочихъ жещъ, ежели похотятъ, отпустить-же съ мужьями, а всѣ ихъ собственныя движимыя и недвижимыя имѣнія взять» на ее—государыню. См. Полное собраніе законовъ Росс. Имперіи, т. XI, стр. 567 и слѣд.